

Ли́я Васи́льевна Тара́сова,
О́льга Влади́мировна Байко́ва
г. Киров

Языковые маркеры состояния депрессии

В статье рассмотрены основные языковые особенности людей, страдающих таким психическим расстройством как депрессия, представлена краткая характеристика данных особенностей, приведены примеры. В качестве теоретической базы статьи взяты работы зарубежных исследователей С. Фекете, С. Руд, З. Кевечес, Л. МакМаллен, Дж. Конвей и др. В связи с теоретическим характером исследования при рассмотрении литературы по теме задействованы такие методы как анализ, синтез и обобщение. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью данной темы, особенно в русскоязычной среде, растущим интересом к вопросу о связи мышления человека и его речи, который возникает как у исследователей в сфере психологии, так и у лингвистов. Представленный в статье материал может послужить базой для проведения дальнейших, более детальных, исследований с применением практических методов, что может способствовать новым достижениям в диагностике психических расстройств, а также в области анализа текстов.

Ключевые слова: психолингвистика, когнитивная лингвистика, образный язык, эмоциональная лексика, депрессия.

Liya Vasilievna Tarasova,
Olga Vladimirovna Baykova
Kirov

Linguistic markers of depression

The article touches upon the main linguistic characteristics of people suffering from such a mental disorder as depression, provides a brief description of these characteristics and gives examples. The works of foreign researchers S. Fekete, S. Rude, Z. Kövecses, L. McMullen, J. Conway and others are taken as the theoretical basis of the article. Theoretical nature of the research required the use of such methods as analysis, synthesis and generalization when reviewing the literature on the topic. Insufficient coverage of the topic, especially in the Russian-speaking research community, and the growing interest in studying connection between thinking and language arising both among psychologists and linguists determined the relevance of the article. The material presented in the article can serve as a basis for conducting deeper research using practical methods, which can contribute to new advances in the diagnosis of mental disorders, as well as in the field of text analysis.

Keywords: psycholinguistics, cognitive linguistics, figurative language, emotional words, depression.

Согласно данным Всемирной Организации Здоровья, на март 2018 года во всем мире насчитывалось более 264 миллионов человек, страдающих депрессией и представляющих все возрастные группы, что может свидетельствовать об обширном распространении данного психического расстройства [1]. Ученые уже достаточно долго исследуют связь между расстройствами психического спектра и их влиянием на язык. Изучение данного вопроса представляет интерес как с точки зрения психологии, в частности нарративной психологии, так и с точки зрения психолингвистики, когнитивной лингвистики и языкознания в целом.

Исследованием связи между депрессией и речью подверженных ей людей до сегодняшнего дня занимались преимущественно зарубежные ученые, в то время как практически отсутствуют материалы русскоязычных авторов, но и те посвящены скорее исследованию определенных категорий эмоциональной лексики, а не особенностям языка, связанным с конкретным психическим заболеванием, что особенно подчеркивает актуальность темы.

Целью настоящей статьи является рассмотрение основных особенностей речи людей, страдающих депрессией. Достижение данной цели предполагает решение следующих *задач*:

1) проанализировать теоретический материал по теме исследования и выделить основные особенности речи людей, страдающих депрессией;

2) более подробно рассмотреть каждую из обозначенных особенностей, проиллюстрировать их примерами;

3) сделать выводы по результатам исследования, определить его перспективы и направления дальнейшей работы.

Поиск и последующий анализ литературы касаясь рассматриваемой темы показали, что в зарубежной практике значительную часть исследований занимает анализ дневников и других личных записей людей, у которых официально была диагностирована депрессия. Например, уже неоднократно ученые обращались в своих работах к личным дневникам писательницы Сильвии Плат и музыканта Курта Кобейна. Помимо этого, большое количество работ направлено на изучение записей пользователей сети Интернет, анализ выступлений публичных личностей и рассмотрение особенностей речи конкретных людей или групп людей, как правило, переживших коллективную травму или прошедших через определенные жизненные сложности. Однако нельзя забывать, что подобные исследования зачастую требуют проведения дополнительных психологических тестов.

Ярким примером таких исследований может послужить работа С. Руд и др., в результате которой был сделан вывод о том, что люди, страдающие депрессией, используют значительно больше местоимений первого лица единственного числа (*я, мне, меня, мной, мой, мое, моя, мои*). В ходе исследования студентов попросили написать эссе об их опыте начала обучения в колледже, предварительно протестировав их по методике, основанной на шкале депрессии А. Бека. Дальнейший анализ данных письменных работ с использованием программы автоматического подсчета слов LIWC показал, что студенты, страдающие депрессией на момент написания эссе, и студенты, ранее столкнувшиеся с депрессией, значительно чаще использовали в работах местоимение первого лица единственного числа, чем те, кто никогда не сталкивался с подобными расстройствами. Исследователи отмечают, что увеличение использования местоимений первого лица единственного числа демонстрирует повышенную концентрацию на себе, что является одним из ключевых показателей депрессии [7, С. 1130].

Согласно С. Фекете, высокая частота упоминаний о себе, скорее всего, отражает озабоченность собой и неспособность тестируемых дистанцироваться от своих личных проблем [2, С. 359]. Интересное наблюдение делают Р. Харгитэй и др.: большое количество местоимений первого лица единственного числа можно наблюдать и в речи людей, испытывающих абсолютно противоположные, положительные, эмоции, в частности, когда они рассказывают о своих достижениях. В рассказах о своих достижениях собственная личность восхваляется в связи с позитивной ассоциацией, вызванной конкретным действием. В повествованиях об отрицательных событиях личность также становится важной, что объясняется желанием человека преодолеть трудности в одиночку. В обоих случаях в языке отражается именно важность своей личности, концентрация на себе, что и провоцирует неосознанное использование определенных местоимений [3, С. 36].

С. Фекете, рассматривая языковые особенности участников трех дискуссионных групп самопомощи в сети Интернет (для людей, склонных к суициду, страдающих депрессией и страдающих тревожным расстройством) и сравнивая их между собой, отмечает, что, помимо частого использования местоимений первого лица, для «депрессивной» группы характерны следующие особенности: частое употребление усилительных наречий (*очень, сильно, абсолютно*), пояснительных слов (*то есть, а именно*), уступительных союзов (*но, однако, хотя, кроме*), отрицательно и положительно поляризованных единиц языка и терминов семантической безысключительности (*вечно, всегда, никогда, никто*), а также большое количество

эмоциональной лексики [2, С. 355]. Высокую частоту употребления уступительных союзов и средств выражения пояснения исследователь связывает с амбивалентностью страдающих депрессией людей, их нерешительностью и импульсивностью. Использование более поляризованных, дихотомических структур может отражать проявление психологического защитного механизма, а тенденция использовать выражающие отрицание единицы чаще, чем «здоровые» люди, может быть следствием реакции избегания или показателем выраженных оппозиционных тенденций [2, С. 359].

Эмоциональная лексика представляет особый интерес для исследователей «депрессивного» языка. З. Кевечес в своей работе «Метафоры и эмоции» подразделяет ее на три категории:

1) слова, обозначающие эмоцию, не называя ее (*фу! – отвращение, вау! – удивление*);

2) слова, которые называют эмоции или маркируют их и в силу этого носят описательный и необразный характер (*разочарование, стыд*);

3) образный язык [4, С. 2].

Неудивительно, что люди с симптомами депрессии используют большое количество слов, которые выражающих негативные эмоции, в частности прилагательные и наречия. Однако в рамках изучения связи между депрессией и языком особое внимание следует уделить третьей категории эмоциональной лексики.

Э. Ортони и Л. Файнсилбер, исследуя роль метафор в описании эмоций, приходят к выводу о том, что люди, испытывающие сильные переживания, с большей вероятностью будут генерировать поразительно яркие и сложные метафоры для выражения своих чувств [6, С. 182]. Это свидетельствует о том, что сама метафоричность может выступать как индикатор эмоциональной интенсивности. З. Кевечес также приводит примеры различных ассоциативных моделей построения метафор выражений различных эмоций, а Л. МакМаллен и Дж. Конвей выделяют особые модели образных выражений, используемых для выражения состояния депрессии [5, С. 175]. К таким моделям исследователи относят следующие:

– модель ДЕПРЕССИЯ КАК СПУСК/ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ (*я будто скатываюсь в мрачную яму; с каждым днем я лечу все ниже и ниже*), тесно связанная с моделью ДЕПРЕССИЯ КАК ЧУВСТВО УПАДКА (*я достиг самого дна; мне уже никогда не подняться*);

– модель ДЕПРЕССИЯ КАК ТЬМА (*меня окутало черное облако; не вижу ни единого просвета*);

– схожие по смысловому содержанию модели ДЕПРЕССИЯ КАК ЗАМКНУТОЕ ПРОСТРАНСТВО (*я словно нахожусь в бункере; эти стены давят на меня*), ДЕПРЕССИЯ КАК ЗАХВАТЧИК (*это чувство крепко держит меня и не отпускает; меня как будто взяли в заложники*),

ДЕПРЕССИЯ КАК СДЕРЖИВАНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ (*я в ловушке; я обездвижен; мне никак не удастся вырваться*) [5, С. 176].

Т. Шенеман и др. также добавляют к этому списку модель ДЕПРЕССИЯ КАК БОЛЬ/СТРАДАНИЕ/НЕДУГ (*это буквально парализовало меня; у меня внутри все онемело; меня всего разъедает изнутри*) [8, С. 330].

Отмечается, что наиболее часто используемой моделью является модель ДЕПРЕССИЯ КАК СПУСК/ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ, включающая в себя идею того, что падать вниз легко, не требует особых усилий и не поддается контролю, а возвращение наверх – трудное и утомительное занятие. Л. МакМаллен и Дж. Конвей также указывают на то, что образные выражения, построенные по данной модели так часто используются в разговорной речи, что и опытные психотерапевты во время своих сеансов зачастую упускают из вида даже самые яркие примеры таких метафор в речи своих пациентов [5, С. 174].

Анализ собранного материала показал, что исследователи выделяют следующие языковые маркеры депрессии: большое количество местоимений первого лица единственного числа (ключевой показатель), частое использование

отрицательно и положительно поляризованных единиц, терминов семантической безысключительности, уступительных союзов, средств пояснения, усилительных наречий и, конечно, употребление эмоциональной лексики для выражения своих чувств, в частности образных средств, которые можно считать показателем интенсивности переживаемых эмоций. Использование тех или иных языковых единиц объясняется определенными психологическими особенностями людей с диагностированной депрессией.

Данное теоретическое исследование может послужить отправной точкой для более детального рассмотрения темы, которое, в свою очередь, может привести к новым достижениям в разных областях науки: с одной стороны, изучение связи между языком и психическими расстройствами способствует разработке новых методов диагностики данных заболеваний и более быстрой постановке диагноза, с другой стороны, может помочь в разработке новых подходов к анализу текстов и даже стратегий перевода. Также возможно рассмотрение языковых маркеров депрессии и их анализ в рамках конкретных текстов, в том числе художественных произведений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Депрессия. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression> (дата обращения: 28.02.2021). – Текст : электронный.
2. Fekete, S. The Internet – A New Source of Data on Suicide, Depression and Anxiety: A Preliminary Study / S. Fekete. – Text : direct // Archives of Suicide Research. – 2002. – № 6(4). – P. 351-61.
3. Hargitai, R. Linguistic Markers of Depressive Dynamics in Self-Narratives: Negation and Self-Reference / R. Hargitai, M. Naszódi, B. Kis, L. Nagy, A. Bóna, J. László. – Text : direct // Empirical Text and Culture Research. – 2007. – № 3. – P. 26-38.
4. Kövecses, Z. Metaphor and Emotion / Z. Kövecses. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 244 p. – Text : direct.
5. McMullen, L.M. Conventional Metaphors for Depression / L.M. McMullen, J.B. Conway. – Text : direct // The Verbal Communication of Emotions. – Mahwah : Lawrence Erlbaum, 2002. – P. 167-183.
6. Ortony, A. The Role of Metaphors in Descriptions of Emotions / A. Ortony, L. Fainsilber. – Text : direct // Proceedings of the 1987 workshop on Theoretical issues in natural language processing Association for Computational Linguistics, Las Cruces. – New Mexico, 1987. – P. 181-184.
7. Rude, S.S. Use of Depressed and Depression-Vulnerable College Students / S.S. Rude, E.M. Gortner, J.W. Pennebaker. – Text : direct // Cognition and Emotion. – 2004. – №18. – P. 1121-33.
8. Schoeneman, T.J. "The Black Struggle": Metaphors of Depression in Styron's Darkness Visible / T.J. Schoeneman, K.A. Schoeneman, S. Stallings. – Text : direct // Journal of Social and Clinical Psychology. – 2004. – № 23(3). – P. 325-46.

REFERENCES

1. Depressija. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression> (Accessed 28.02.2021).
2. Fekete S. The Internet – A New Source of Data on Suicide, Depression and Anxiety: A Preliminary Study. *Archives of Suicide Research*, 2002, no, 6(4), pp. 351-61.
3. Hargitai R., Naszódi M., Kis B., Nagy L., Bóna A., László J. Linguistic Markers of Depressive Dynamics in Self-Narratives: Negation and Self-Reference. *Empirical Text and Culture Research*, 2007, no. 3, pp. 26-38.
4. Kövecses Z. Metaphor and Emotion. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 244 p.
5. McMullen, L.M., Conway J.B. Conventional Metaphors for Depression. *The Verbal Communication of Emotions*. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 2002, pp. 167-183.
6. Ortony A., Fainsilber L. The Role of Metaphors in Descriptions of Emotions. *Proceedings of the 1987 workshop on Theoretical issues in natural language processing Association for Computational Linguistics, Las Cruces*. New Mexico, 1987, pp. 181-184.

7. Rude S.S., Gortner E.M., Pennebaker J.W. Use of Depressed and Depression-Vulnerable College Students / S.S. Rude. *Cognition and Emotion*, 2004, no. 18, pp. 1121-33.
8. Schoeneman T.J., Schoeneman K.A., Stallings S. "The Black Struggle": Metaphors of Dpression in Styron's Darkness Visible. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 2004, no. 23(3), pp. 325-46.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Л.В. Тарасова, магистрант 2-го курса, направление подготовки 45.04.02 «Лингвистика» (профиль «Перевод и переводоведение (английский язык)»), ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, Россия, e-mail: tarasova.liya@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9884-5049.

О.В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, Россия, e-mail: olga-baykova@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4859-8553.

INFOTMATION ABOUT THE AUTHORS:

L.V. Tarasova, 2nd year Undergraduate Student, direction 45.04.02 Linguistics, Translation and Translation Studies, Vyatka State University, Kirov, Russia, e-mail: tarasova.liya@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9884-5049.

O.V. Baykova, Doctor of Philology, Associate Professor, Department Chair of Linguistics and Translation, Vyatka State University, Kirov, Russia, e-mail: olga-baykova@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4859-8553.